

Александр Черных

**Эстонцы в Пермском крае:
очерки истории и этнографии**

«Маматов»

2010

Черных А. В.

Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии /
А. В. Черных — «Маматов», 2010

В монографии на основе архивных, опубликованных в печати и полученных в результате полевых исследований этнографических источников рассматриваются особенности формирования и этнокультурные процессы у эстонцев в Пермском крае на протяжении конца XIX – начала XXI в. Впервые в коллективной монографии авторами рассмотрены основные этапы формирования и миграций эстонского населения в Прикамье, его численность и расселение, особенности функционирования языка и этнической культуры как в прошлом, так и настоящем. Издание рассчитано на специалистов в области истории и этнографии, но будет интересно и широкому кругу неравнодушных к истории и этнической культуре читателей.

Содержание

Введение	6
Глава I	17
Общие сведения об эстонцах	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Александр Васильевич Черных,
Татьяна Геннадьевна Голева,
Сергей Андреевич Шевырин
Эстонцы в Прикамье: очерки
истории и этнографии**

© Черных А. В., 2010

Голева Т. Г., 2010

Шевырин С. А., текст, 2010.

© ООО «Издательство «Маматов», оформление, 2010.

* * *

Monograafias on kasutatud peamiselt arhiivide materjale, samuti trüki avaldatud materjale, mis on kogutud ja avaldatud etnograafiauringute välitöödel. Teoses vaadatakse Kama jõe ääres elavate eestlaste kogukonna formeerumist ja eestlaste etnokultuurilisi protsesse 19. sajandi lõpust 21. sajandi alguseni.

Kollektiivse monograafia autorid käsitlevad eelkõige eestlaste Kama jõe aladele jõudmise, formeerumise ja migratsiooni peamisi etappe; sh eestlaste arvukust ja paiknemist Kama jõe äärsetel aladel. Vaatluse all on keele ja etnilise kultuuri funktsioneerimine nii minevikus kui kaasajal. Väljaanne on mõeldud eelkõige ajaloo ja etnograafia spetsialistidele, ent samas pakub see huvi laiale lugejaringile, kes on huvitatud ajaloo protsessidest ja etnilise kultuuri arengust.

Введение

Многонациональность населения Пермского края всегда привлекала внимание ученых – историков, этнографов, фольклористов. Продолжается серия исследований, посвященных этнодисперсным группам Среднего Урала, формирование которых приходится на период XIX – начала XX в. В рамках проекта вышли в свет издания «Немецкие хутора Прикамья»¹, «Поляки в Пермском крае»². Предлагаемая читателю коллективная монография «Эстонцы в Пермском крае: Очерки истории и этнографии», как и предшествующие ей книги, рассматривает проблемы формирования населения края, складывания этнолокальных групп, их социокультурной адаптации на новой территории, сохранения этнической идентичности и самобытных черт культуры, формы взаимодействия и результаты межэтнических отношений. Численность эстонцев, проживающих в Пермском крае, невелика. История формирования и этнокультурного развития эстонской общности во многом перекликается с этническими процессами, происходящими с другими локальными этнокультурными группами Прикамья, сформировавшимися в результате переселения представителей народов западных территорий Российской империи, а позже – СССР, на восточные земли. Переселение эстонцев на территорию Прикамья происходило как добровольным, так и насильственным путем. В первом случае представители этноса изначально были заинтересованы в освоении новых земель и «оседании» на новых территориях. Именно их поселения послужили основой формирования эстонской диаспоры в Прикамье. Вторая форма переселения подразумевала совершенно иные условия пребывания и жизнедеятельности эстонцев, мало содействовала сохранению их этнокультурных черт и самосознания. Тем не менее, те и другие миграционные потоки влияли на этнический состав населения и межкультурную коммуникацию края в разные исторические периоды. Несмотря на общие с другими диаспорами черты развития, эстонцы имеют свою, отличную от других этносов судьбу, обусловленную историческими процессами и этнической спецификой народа: менталитетом и особенностями сложившихся культурно-бытовых, социально-экономических навыков.

Интерес к поставленной проблеме обусловлен слабым освещением ее в научной литературе, отсутствием последовательных или обобщающих работ, посвященных истории и этнографии эстонцев как Пермского края, так и Урало-Поволжского региона в целом. Изучение истории эстонцев Пермского края позволяет дополнить уже известные исследования и раскрыть новые историко-этнографические факты об этом народе, о социально-культурных и этнических процессах на территории Урало-Поволжья. Малочисленность рассматриваемой этнической общности не исключает, а наоборот, актуализирует вопросы, касающиеся идентичности народа, факторов сохранения исторической памяти, ассимиляции группы и трансформации национальных культурно-бытовых признаков в поликультурной среде Пермского Прикамья. Информация о самобытных чертах этноса, которые проявляются в разных сферах его деятельности, обогащает общий культурный фонд Пермского края.

История формирования и развития этнолокальных групп эстонцев на территории России не нова в историографии, ей посвящены труды разных авторов. Исследованной представляется и сама историография вопроса³. Наиболее изученными при этом являются проблемы формирования эстонских поселений, в меньшей степени – особенности традиционной культуры. Среди значительных работ следует назвать исследования как российских, так и эстонских ученых⁴: Й. Меомутеля⁵, А. А. Кауфмана⁶, А. Ниголя⁷, В. Маамяги⁸, Х. Кулу⁹, А. Вассара¹⁰, А. В. Горнуховой¹¹, И. В. Тынуриста¹² и др.¹³

Отметим, что вместе с интересом к общей истории эстонцев в России сформировались направления по изучению отдельных территориальных групп народа. Целая плеяда исследо-

вателей освещает историко-этнографические и этносоциологические вопросы возникновения, расселения и жизнедеятельности эстонской диаспоры в Сибири, часто вместе с исследованием других этнических групп (финнов, латышей, немцев). Среди исследований, посвященных эстонцам Сибири, следует назвать работы Л. В. Малиновского, который рассмотрел экономическое развитие прибалтийских колоний в годы нэпа¹⁴, М. Н. Колоткина¹⁵, осветившего политическую, экономическую и культурную историю до 1930-х годов. Таллинский языковед Ю. Вийкберг в 1980-х годах провел среди национальных меньшинств Сибири социолингвистический и этнолингвистический анализ¹⁶. Характеристика этнических процессов и качественных изменений в языковой, культурно-бытовой и социальной сферах эстонцев Сибири дана в трудах И. В. Лоткина и Д. Г. Коровушкина¹⁷. Новосибирский исследователь А. Ю. Майничева на основе полевых исследований реконструирует и анализирует особенности материальной культуры эстонских поселений Сибири¹⁸. Ряд работ по традиционной культуре и фольклору эстонцев Сибири подготовили эстонские исследователи А. Корб, А. Юргенсон, А. Туйск, М. Пихо, М. Хийемяэ и др.¹⁹

Также серия трудов посвящена эстонцам северо-западных областей России, среди которых выделяются работы по городской диаспоре и этнографии эстонцев Санкт-Петербурга. Этносоциологические сведения и исторические факты формирования эстонской общности в Ленинградской области отражены в статье Л. В. Выскочкова²⁰, в Петербурге – в публикациях Н. В. Юхневой²¹ и М. Л. Засецкой²². Вопросы досуга, культурной и общественной жизни эстонцев в Петербурге, а также биографии выдающихся представителей народа изучали А. Д. Дриздо, Г. В. Старовойтова, В. А. Самойлов²³.

Многие исследователи обращались к проблемам истории и культуры сету. Ю. Трусман²⁴, Я. Гурт²⁵, Х. А. Моора²⁶, Е. В. Рихтер²⁷ и другие авторы поднимали вопрос об этнической идентичности сету. Своеобразие их духовной и материальной культуры, кроме названных авторов, рассматривали П. С. Хагу²⁸, К. М. Плоткин²⁹. Современные этнические процессы в среде сету исследовали А. Г. Манаков³⁰ и Н. К. Трошина³¹.

История и этнография эстонских поселений других территорий России, Кавказа, Поволжья, Украины изучены в меньшей степени, однако по ним также имеются публикации, раскрывающие особенности формирования и расселения эстонцев на данных территориях, особенности их этнокультурных традиций³².

Вопросы истории расселения и этнокультурного развития эстонцев на территории Урала, наоборот, освещены крайне фрагментарно. Впервые эстонская тематика Пермского Прикамья поднимается на страницах периодической печати и в отдельных работах в период формирования эстонских поселений на Урале в конце XIX – начале XX в. Главное внимание в них уделено вопросам переселения эстонцев на Урал, основания ими поселений, развития хозяйства и адаптации в новых природно-климатических условиях. Именно этим вопросам посвящена работа Н. Ф. Смирнова «Хозяйство немецких и эстонских хуторов в Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии»³³, а также сборник «Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии»³⁴, раскрывающие особенности становления эстонских хуторов Даго в Бирском уезде Уфимской губернии. Сведения об эстонских хуторах Сивинского имения, особенностях их обустройства в Прикамье содержатся в записках «Поездка в Сивинское имение...» неизвестного автора, опубликованных в Пермских губернских ведомостях³⁵. Ценность этих первых исследований в том, что их авторы основывались на личных наблюдениях за эстонскими переселенцами в первые годы основания их хуторских поселений, поэтому во всех работах приводятся достаточно полные сведения о датах осно-

вания поселений, особенностях становления хуторского хозяйства, а приводимые сведения невосполнимы никакими другими источниками и публикациями.

Достаточно полные данные об эстонских поселениях Урала: Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний содержатся в обобщающей монографии пастора А. Ниголя «Эстонские поселения и места нахождения в России», вышедшей в г. Тарту в 1918 г., посвященной эстонским колониям России³⁶. Несмотря на полноту обобщенного материала – в работе отмечены все эстонские поселения региона, – сведения о них крайне фрагментарны. Автор указывает год основания, название колонии и количество поселенцев или семей и географическое и административное расположение поселения. Среди колоний Уфимской губернии А. Ниголь отмечает и колонию Хийу (Даго) в Бирском уезде. Поселения эстонцев Сивинского имения Оханского уезда Пермской губернии отмечены в работе как поселение Катарина, происходящее, скорее всего, от названия волостного села Екатерининское. Однако сведения о поселениях Оханского уезда предельно фрагментарны, так как эстонцы селились в нескольких волостях и составляли несколько компактных поселений. В то же время ни в одном из других источников эстонские колонии Сивинского имения не известны под таким названием. Автор впервые указывает на эстонское городское население губернии, сосредоточенное в городах Перми и Екатеринбурге, а также на эстонских переселенцев в Ершовской волости Осинского уезда, обосновавшихся на помещичьих землях Сведомских в нескольких километрах от Завода Михайловского³⁷. Значимость исследования А. Ниголя в том, что он впервые собрал сведения обо всех эстонских поселениях региона, рассмотрел их в общероссийском контексте среди описанных им 347 эстонских поселений России. В монографии эстонские поселения распределены по регионам, кроме того, дана их природная и географическая характеристика, а также некоторые особенности культурной жизни переселенцев. И если Пермская губерния отнесена авторами в отдельную группу вместе с поселениями Ярославской, Вологодской, Костромской, Оренбургской и Вятской губерний, то колония Даго Бирского уезда Уфимской губернии рассмотрена в разделе о поволжских колониях вместе с Симбирской и Саратовской губерниями.

Нам не известно, посещал ли Август Ниголь эстонские поселения Пермского Прикамья, однако он был в Перми, и с городом связана трагическая страница в биографии исследователя. В 1918 г. приехавший в Пермь «для совершения богослужения, организации и устройства культурно-просветительных учреждений» в эстонских колониях Пермской, Вятской, Волжской губерний пастор А. Ниголь был арестован и 17 августа 1918 г. расстрелян³⁸.

В советский период исследование истории и культуры пермских эстонцев не проводилось, правда, отдельные сведения об эстонских поселениях региона, основанные, как правило, на источниках предыдущего периода, содержатся в обобщающих работах по истории эстонских поселений России, в частности в работе об эстонцах России В. Маамяги отмечены колонии Катарина и Хийу³⁹.

Следующий этап в изучении эстонских поселений в Прикамье приходится на конец 1980-х – 2000-е годы. В конце 1980-х годов одними из первых к проблеме истории хуторского хозяйства Прикамья обратились сотрудники Пермского краевого музея. В ходе полевых исследований на территории Сивинского района была собрана коллекция предметов традиционной культуры эстонцев и документальные материалы семейных архивов. Предметы одежды, ткацкий стан, бытовые ткани, фотоматериалы, собранные в ходе экспедиции, были представлены на выставке «Традиционная культура народов Прикамья», открывшейся в Пермском краевом музее в 1993 г.⁴⁰ К сожалению, материалы, полученные в ходе экспедиций музея, не были обобщены и опубликованы.

Активизация исследовательского интереса к эстонцам Урала отмечается в последние годы. В этот период исследуются история формирования и этнокультурные комплексы эстонцев Урала, в научный оборот вводятся новые источники. Сведения о численности и расселении

эстонцев в Пермском Прикамье в первой половине XX в. содержатся в монографии «Народы Прикамья», однако приводимые сведения приведены в контексте обзора всего этнического состава населения края и не дают представления о формировании, расселении и этнокультурных особенностях эстонцев региона⁴¹. Одной из первых работ, посвященных непосредственно эстонцам Урала, следует назвать статью уфимского исследователя Р. Р. Садикова об эстонцах Башкортостана, в которой рассматриваются особенности формирования эстонских колоний Уфимской губернии, дается обзор имеющихся архивных источников по данной проблеме. Так как деревня Новопетровка Пермского края в начале XX в. относилась к Бирскому уезду Уфимской губернии, в статье приведены материалы и по данной эстонской колонии⁴². Отдельные сведения о появлении и расселении эстонцев на Урале в начале XX в. на основе анализа статистического материала приводит в своей статье екатеринбургский исследователь Л. Н. Мазур⁴³.

В 2006 г. в рамках исследовательского проекта по этнодисперсным группам народов Пермского края авторы настоящей монографии начали экспедиционное изучение эстонских поселений региона. Проведение полевых этнографических исследований в районах компактного проживания эстонцев в Пермском крае, архивные изыскания позволили подготовить несколько исследовательских материалов об эстонцах региона. Общие сведения об эстонцах, особенностях их формирования и этнокультурных комплексов содержатся в статье Т. Г. Голевой «Эстонцы», подготовленной для энциклопедии Пермского края⁴⁴. Проблемы межэтнического взаимодействия эстонцев с немецким населением отражены в монографии Д. И. Ваймана и А. В. Черных о немецких хуторах Прикамья⁴⁵. обстоятельное исследование традиций и технологий земледелия эстонских поселений юга Пермского края предпринято А. В. Черных⁴⁶. Одной из последних публикаций стал раздел «Эстонцы» об истории и культуре эстонцев деревни Новопетровки в книге о народах Октябрьского района Пермского края⁴⁷.

Как видим, историография эстонского населения Урала ограничивается несколькими разрозненными работами, относящимися к разным историческим периодам. Более исследованными представляются вопросы формирования эстонских колоний на Урале, в то время как вопросы сохранения и развития этнокультурных комплексов, современной этнокультурной ситуации и процессов, особенности языка и его функционирования в новой этнокультурной среде у эстонцев Урала остаются неисследованными до настоящего времени. Предпринятая авторами работа, таким образом, является первым комплексным историко-этнографическим монографическим исследованием эстонского населения одного из регионов Урала.

Целью настоящего исследования является изучение истории формирования эстонской общности Пермского Прикамья и особенностей ее этнокультурного развития. Осуществление поставленной проблемы предпринято через выявление факторов и характеристику миграционных и адаптационных процессов, добровольного и принудительного переселения, проследивание численности и границ расселения эстонцев в разные исторические периоды, исследование сохранения этничности и комплексов материальной и духовной культуры народа.

Территориальные рамки исследования определены современными административными границами Пермского края. В прошлом эта территория составляла западные уезды Пермской губернии (Чердынский, Соликамский, Пермский, Оханский, Осинский, Кунгурский, частично Красноуфимский), ряд южных районов относился к Бирскому уезду Уфимской губернии.

История эстонской общности в Пермском Прикамье прослеживается в монографии с конца XIX в. – времени начала миграционного потока и формирования основных очагов расселения, до начала XXI в. Вторая хронологическая граница определена датировкой последних источников.

При подготовке данного издания был привлечен широкий круг материалов, извлеченных из опубликованных источников, архивных собраний, музейных коллекций, полученных в ходе полевых исследований авторов.

Основу для подготовки работы составили полевые материалы, полученные в ходе полевых исследований 2006–2009 гг. в Октябрьском, Сивинском, а также Чайковском районах Пермского края, в территориях, где в прошлом существовали компактные эстонские поселения. В Октябрьском районе эстонское население изучалось в течение нескольких экспедиционных выездов в сохранившейся эстонской деревне Новопетровке. Кроме этого, работа проводилась в соседних населенных пунктах (Тюинск, Щучье Озеро) с выходцами из названной деревни и контактировавшими с эстонским населением представителями других народов. В Сивинском районе не сохранилось территорий и поселений с компактным поселением эстонцев, для сбора информации был избран метод «точечных» опросов эстонского населения, проживающего в окрестных селах и деревнях района, соседних с территориями, в которых в прошлом находились эстонские хутора. Полевые исследования проводились в селах Сива, Екатерининское, поселке Северный Коммунар. Во время полевой работы проводились опросы старожилов на основе этнографических вопросников, также изучались личные архивы, предметы быта, фонды местных архивов, производилась фотофиксация элементов материальной культуры и праздничной традиции⁴⁸. Полевые материалы стали основой для подготовки раздела о традиционной культуре эстонцев Прикамья, современных этнокультурных процессах, а также в комплексе с архивными и опубликованными источниками использовались при написании исторических разделов работы и главы о хуторском хозяйстве.

Существенная часть информации по истории эстонцев Пермского края хранится в архивных фондах. При написании данной книги были использованы материалы: Государственного архива Пермского края (ГАПК, г. Пермь), Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ, г. Пермь), Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ, г. Уфа), Центрального государственного архива общественных организаций Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ, г. Уфа), архивного отдела администрации Сивинского района (АОАСР, с. Сива Пермского края), а также архивные материалы Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36» (МЦИПР, г. Пермь), документального собрания и коллекций Пермского краевого музея (ПКМ, г. Пермь), Сивинского районного краеведческого музея (СРКМ, с. Сива), школьных и поселенческих музеев Сивинского (п. Северный Коммунар) и Октябрьского (с. Тюинск) районов.

Наиболее ценными и информативными представляются материалы Пермского и Уфимского отделений Крестьянского поземельного банка⁴⁹, раскрывающие особенности формирования эстонских хуторов региона, условия и обстоятельства приобретения ими земельных наделов. Особенности этноконфессиональной жизни эстонских переселенцев в некоторой степени раскрывают метрические книги православных церквей сел Сива и Екатерининское, изученные в архивном отделе администрации Сивинского района⁵⁰. Существенным подспорьем для исследования заявленной темы послужили материалы следственных дел, хранящиеся в Пермском государственном архиве новейшей истории, в которых отмечены время, причины и обстоятельства приезда на Урал эстонцев на протяжении всей первой половины XX в., а также сообщены биографические данные. Использование этого вида источников значительно расширило базу исследования, дополнило материалы о формировании эстонского населения Пермского Прикамья в начале XX в. и позволило детально изучить миграционные процессы 1920–1940-х годов, особенности и обстоятельства пребывания эстонцев в Пермском крае на протяжении советского периода⁵¹. Кроме названных документов, несомненную ценность представляют административная и статистическая документация⁵², картографические материалы⁵³, письма и воспоминания людей, коллекции фотографий и аудиозаписей с воспоминаниями очевидцев о высланных и репрессированных эстонцах в середине XX в., хранящиеся в Мемориальном центре истории политических репрессий⁵⁴.

Для изучения особенностей этнокультурных комплексов эстонцев Прикамья использовались также коллекции предметов быта из собрания Пермского краевого музея (бытовые ткани, ткацкий стан, предметы одежды)⁵⁵, а также Сивинского районного краеведческого музея (кантеле (гусли), бытовые ткани). Особую ценность представляют фотоматериалы начала XX в., запечатлевшие эстонские хутора, жилые и хозяйственные постройки первопоселенцев на сивинских землях⁵⁶. Музейные собрания стали существенным дополнением к материалам, собранным во время экспедиционной работы, так как комплексы предметов быта, особенно у эстонцев Сивинского района, к моменту экспедиционного исследования были утрачены.

К группе опубликованных источников относятся статистические материалы переписей, списки населенных пунктов Уральского региона⁵⁷. Отраженные в сборниках факты позволяют проследить динамику численности и характер расселения эстонцев в Прикамье на протяжении всего периода их пребывания в регионе – с конца XIX в. до настоящего времени. Целый ряд статистических источников начала XX в. свидетельствует о хозяйственных занятиях, количестве обрабатываемых поселенцами земель, видах высеваемых сельскохозяйственных культур и разводимых домашних животных. Данные об экономических и социальных условиях жизнедеятельности первых эстонских колонистов на Урале содержат сборники «Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии»⁵⁸; «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии»⁵⁹; «Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии...»⁶⁰; «Справка о положении иногубернских и иноуездных переселенцев в Сивинском имении...»⁶¹. Более поздние сборники документов дают информацию о политических процессах, затронувших национальные меньшинства России в середине XX в., в том числе эстонцев⁶².

Вспомогательный характер имеют материалы публицистических заметок и статей местных периодических изданий, в которых упоминается о переселенческих процессах, земельных отношениях на территории Прикамья⁶³, о коммунистическом движении в среде эстонского населения⁶⁴.

Использование разных видов источников дало возможность проследить этно-исторические процессы в среде эстонской группы Пермского Прикамья на протяжении более ста лет, определить качественные этнокультурные и социальные изменения, факторы адаптации к новым условиям и сохранения этнической идентичности. Большая часть источникового материала выявлена авторами в архивных и музейных собраниях, получена в ходе полевых исследований и вводится в научный оборот впервые.

В исследовании для обозначения эстонцев, проживавших и проживающих на территории Пермского края в его современных административных границах, в равнозначном значении используются названия «пермские эстонцы», «эстонцы Пермского Прикамья» и «эстонцы Пермского края».

Структура работы определена основными проблемно-тематическими блоками исследования. Предложенные главы последовательно отражают историю эстонцев в Пермском крае, специфику традиционной культуры и этнокультурных процессов на протяжении конца XIX – начала XXI в. В первой главе дается исторический обзор расселения эстонцев на территории России, исследуются основные вехи формирования эстонского населения Пермского края на рубеже XIX–XX вв., особое внимание уделено истории появления и развития эстонских хуторских поселений. Вторая глава исследования посвящена анализу сложившихся хозяйственных комплексов, социально-экономического развития эстонцев. Культурно-бытовые традиции народа, их специфика, сохранение и трансформация на протяжении XX столетия разбираются в третьей главе издания. В четвертой главе книги рассматриваются процессы, характерные для первой половины и середины XX в., связанные с революциями и Гражданской вой-

ной, первыми годами советского строительства, репрессиями 1930-х годов, событиями Второй мировой войны. Историко-политические изменения в этот период стали причиной новых миграционных потоков эстонского населения, отразились на судьбах сложившихся эстонских территориальных этнокультурных комплексов. В пятой главе анализируются особенности и тенденции современных этнических процессов среди эстонцев Прикамья, в том числе изменение численности, характер расселения, функционирование элементов этнической культуры.

Работа содержит несколько приложений, в которых публикуются архивные материалы, карты, а также иллюстративный материал, отражающий историю, явления материальной и духовной культуры эстонцев Пермского края.

Авторы искренне благодарят всех жителей Сивинского и Октябрьского районов, с которыми мы встречались во время полевой работы и без воспоминаний которых подготовка настоящей книги оказалась бы невозможной. Пусть это исследование станет для них своеобразным подарком – в память об истории их малой родины и всех эстонцах, судьба которых в разные исторические периоды была связана с Пермским Прикамьем. Особая благодарность администрациям, учреждениям образования и культуры Октябрьского и Сивинского районов, оказавшим организационную поддержку в проведении этнографических экспедиций. Авторы благодарят рецензентов и редактора книги и всех, кто принимал участие в ее подготовке. Особые слова благодарности нашим коллегам И. А. Подюкову и Д. И. Вайману, принимавшим активное участие в проведении полевых исследований и сборе материала.

Примечания

¹ Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора Прикамья: История и традиционная культура (XX – начало XXI в.). СПб., 2008.

² Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии / Под ред. А. В. Черных. СПб., 2009.

³ Дриздо А. Д. К историографии эстонского населения Петербурга (60–80-е годы XIX в.) // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. М., 1982. С. 70–79; Лоткин И. В. Исследование прибалтийской диаспоры Сибири российскими и зарубежными учеными // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 4. С. 207–211; Он же. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность: Учебное пособие. Омск, 2003.

⁴ Более подробный анализ работ см. в публикациях: Лоткин И. В. Исследование прибалтийской диаспоры Сибири...; Дриздо А. Д. К историографии эстонского населения Петербурга...

⁵ Meomuttel J. Eesti asunikud lailises Vene riigis. Esimene katse sõnumid kõikide Eesti asunduste üle tuua. Jurjevis (Tartus), 1900.

⁶ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

⁷ Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918.

⁸ Маамяги В. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. Таллин, 1977; М., 1990.

⁹ Kulu H. Eestlased maailmas. Ülevaade arvukusest ja paiknemisest. Tartu, 1992; Kulu H. Eestlaste tagasiranne 1940–1989: Lääne-Siberist pärit eestlaste näitel. Helsinki, 1997.

¹⁰ Vassar A. Uut maad otsimas. Agraarne ümberasumisliikumine Eestis kuni 1863 aastani. Tallinn, 1975.

¹¹ Горнухова А. В. Миграционные процессы в республиках Прибалтики в XX веке: Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08. 00. 05. [Электронный ресурс]. М., 2004. URL: <http://www.diplomnie.com/publ/118-1-0-28321>

¹² *Тынурист И. В.* Эстонцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 423.

¹³ Более подробный анализ работ см. в публикациях: *Лоткин И. В.* Исследование прибалтийской диаспоры Сибири...; *Дриздо А. Д.* К историографии эстонского населения Петербурга...

¹⁴ *Малиновский Л. В.* Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919–1928) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 202–213.

¹⁵ *Колоткин М. Н.* Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа. Новосибирск, 1994.

¹⁶ *Вийкберг Ю.* Эстонские языковые островки в Сибири. (Возникновение, изменения, контакты). Таллин, 1986. Другие труды автора см. в публикации: *Лоткин И. В.* Исследования прибалтийской диаспоры Сибири...

¹⁷ *Лоткин И. В.* Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. М., 1996; *Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б.* Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири: формирование и этнокультурная адаптация. Новосибирск, 2003; *Лоткин И. В.* Прибалтийская диаспора Сибири... и др.

¹⁸ *Майничева А. Ю.* Эстонцы в Верхнем Приобье в конце XIX – первой трети XX вв.: особенности поселений и домостроения [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Сибирская заимка». [2001. № 5]. URL: <http://www.zaimka.ru/culture/mainicheva13.shtml>; *Она же.* Бытовая культура эстонцев Сибири (конец XIX – первая треть XX в.) // Диаспоры. 2002. № 3. С. 153–164.

¹⁹ *Korb A.* Seitse kula Siberis. Tartu, 1998; *Jürgenson A.* Siberi eestlaste territoriaalsus ja identiteet. Tallinn, 2002; *Piho M.* Siperian setukaiset. Saarinen, Tuija & Suhonen, Seppo (toim.) // *Koltat, karjalaiset ja setukaiset. Pienet kansat maailmojen rajoilla.* Kuopio, 1995. S. 200–219. См. также материал: *Tuisk Astrid.* The place folklore of Siberian Estonians today. Reflections of adaptation. (Estonian Literary Museum). [Электронный ресурс]. URL: <http://lepo.it.da.ut.ee/~lehti/Oralhistory/1.7.Astrid.htm>.

²⁰ *Высочков Л. В.* Об этническом составе населения северо-запада России (вторая половина XVIII–XIX в.) // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л., 1989.²¹ *Юхнева Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX в. Статистический анализ. Л., 1984; *Она же.* Этнический состав населения Петербурга в конце XIX – начале XX в. // Этнографические исследования северо-запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 192–216.

²² *Засецкая М. Л.* Система социализации у эстонцев-переселенцев Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) Из истории Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб., 1997; *Она же.* Сету. История, культура, современные этнические процессы // Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков, 1998; *Она же.* К вопросу об истории формирования «петербургской группы» эстонцев-переселенцев (опыт периодизации эстонской миграции) // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 55–70.

²³ *Дриздо А. Д.* К историографии эстонского населения Петербурга... С. 70–79; *Он же.* Из истории Петербургского эстонского просветительского общества // Этнография Петербурга – Ленинграда. Л., 1987. Вып. 1. С. 13–20; *Старовойтова Г. В.* Эстонские молодежные общества в Петербурге в начале XX века // Этнография Петербурга – Ленинграда. Л., 1987. Вып. 1. С. 21–25; *Самойлов В. А.* Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге (1873–1917 гг.) // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. М., 1982. С. 80–97.

²⁴ *Трусман Ю.* Полуверцы Псково-Печорского края // Живая старина. 1890. Вып. 1. СПб. С. 31–62; *Он же.* О происхождении псково-печорских полуверцев // Живая старина. 1897. Вып. 1. СПб. С. 37–47.

²⁵ *Гурт Я.* О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах» // Известия Императорского русского общества. Т. XLI. 1905. СПб., 1906. С. 1–22.

²⁶ *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 127–132; *Он же.* Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. (Новая серия.) Т. XXIII. М., 1954.

²⁷ *Рихтер Е. В.* Итоги этнографической работы среди сету Псковской области летом 1952 г. // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. (Новая серия.) Т. XXIII. М., 1954. С. 183–193; *Он же.* Интеграция сету с эстонской нацией // *Eesti palu rahva maj anduse ja olme arengu-jooni* 19. ja 20. saj. Tallinn, 1979. С. 90–119.

²⁸ *Хагу П. С.* Аграрная обрядность и верования сету: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983; *Он же.* Календарная обрядность русских и сету Печорского края // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1983. С. 51–52.

²⁹ *Плоткин К. М.* Ареал сету: жертвоприношения и границы // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 197–209.

³⁰ *Манакова А. Г.* Сету Печорского района на рубеже тысячелетий (по результатам социально-демографического исследования летом 1999 г.) // «Псков»: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2001. № 14. С. 189–199; *Алексеев Ю. В., Манаков А. Г.* Народ Сету: между Россией и Эстонией. М., 2005.

³¹ *Трошина Н. К.* Особенности национальной самоидентификации сету в русскоэстонской этноконтактной зоне // Геосистемы Севера. Тезисы научно-практической конференции. Петрозаводск, 1998. С. 35–36.

³² *Барашиков В. Ф.* Топонимия эстонских селений Ульяновской области // Ученые записки УГПИ. Т. 27. Вып. 3. Ульяновск, 1973; *Выйме Л.* Эстонские поселения на Черноморском побережье Кавказа (вторая половина XIX в. – 1929 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Таллин, 1975; *Рябов В.* Хутора // Волжские зори. 1992. № 137, 141, 145, 150, 151; *Шабалина Л. П.* Эстонцы Ульяновского Поволжья // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984–1985 гг. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986; Эстонская община Абхазии [Электронный ресурс] // Сайт «Абхазия». URL: <http://www.apsny.ru/ethnic/ethnic.php?page=content/estonci/estonci.htm>; *Eestlased suhhumis.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.erm.ee/html/suhhumi/>; Эстонцы в Крыму. Очерки истории и культуры / Сост. Е. А. Лагода, Ю. Н. Лаптев, М. Р. Никольская. Симферополь, 2008.

³³ *Смирнов Н. Ф.* Хозяйство немецких и эстонских хуторов в Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии. Уфа, 1908.

³⁴ Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии. Уфа, 1898.

³⁵ Поездка в Сивинское имение // Пермские губернские ведомости. 1909, 12 сент.

³⁶ *Nigol A.* Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918.

³⁷ *Nigol A.* Указ. соч. Lk. 34, 37–38.

³⁸ ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11919. Л. 1.

³⁹ *Маамяги В.* Эстонцы в СССР...; *Он же.* Эстонские поселенцы в СССР...

⁴⁰ *Димухаметова С. А.* Коллекция Пермского областного краеведческого музея как источник изучения народной культуры старообрядческого населения Верхокамья // Традиционная культура Пермской земли: К 180-летию полевой археологии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхокамья (Мир старообрядчества. Вып. 6). Ярославль, 2005. С. 82–93.

⁴¹ *Чагин Г. Н., Черных А. В.* Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX – XX вв. Пермь, 2002. С. 37–47.

⁴² *Садиков Р. Р.* Эстонцы Башкортостана: Обзор архивных источников // Археология Южного Урала. Материалы IV Межрегиональной науч. – практ. конференции 16 сентября 2004 года. Уфа, 2004. С. 174–184.

⁴³ *Мазур Л. Н.* Народы Среднего Урала в структуре сельского расселения (XX в.) // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49. С. 180–196.

⁴⁴ *Голева Т. Г.* Эстонцы. [Электронный ресурс]. // Пермский край. Энциклопедия. URL: <http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1803974742&idParentObject=1803974726>.

⁴⁵ *Вайман Д. И., Черных А. В.* Немецкие хутора Прикамья.... С. 195–196.

⁴⁶ *Черных А. В.* Традиции и технологии земледелия в эстонских хуторах Прикамья // Хлеб-батюшка: Хлеб в традиционной культуре народов Октябрьского района. Пермь, 2010. С. 77–84.

⁴⁷ *Голева Т. Г., Черных А. В.* Эстонцы // Разноцветный ковер: Пермский край, Октябрьский район / Сост. А. В. Черных. Пермь, 2010. С. 74–81.

⁴⁸ Собранные в ходе экспедиционных исследований экспонаты были переданы на хранение в Пермский краевой музей.

⁴⁹ ЦГИА РБ. Ф. 336; ГАПК. Ф. 204.

⁵⁰ АОАСР. Ф. 75.

⁵¹ ПермГАНИ. Ф. 641/1, 641/2.

⁵² ЦГАОО РБ. Ф. 122, оп. 4, д. 156.

⁵³ ЦГИА РБ. Ф. 351, оп. 1, д. 3544; ПКМ. № 18672/2. Карта Сивинского имения Крестьянского поземельного банка.

⁵⁴ Архив Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36» (далее – Архив МЦИПР). Кассета «Shadrina». Записано в 1999 г. в г. Перми.

⁵⁵ ПКМ. Коллекция № 18380. Материалы экспедиции в Сивинский район Пермской области (1988).

⁵⁶ СРКМ. Разные коллекции.

⁵⁷ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. V. Бирский уезд (Оценочно-статист. материал по данным местных исследований 1897 г.). Уфа, 1899; Список населенных пунктов Уральской области. Пермский округ. Свердловск, 1928; Справка о положении иногубернских и иноуездных переселенцев в Сивинском имении, согласно данным подворной переписи 1910 г. Пермь, 1911.

⁵⁸ Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии...

⁵⁹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии...

⁶⁰ Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии. Бирский уезд. Уфа, 1914. С. 250–253.

⁶¹ Справка о положении иногубернских и иноуездных переселенцев в Сивинском имении... С. 22.

⁶² История сталинского ГУЛАГа. Массовые репрессии в СССР. Т. 1; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004.

⁶³ *Давыдов Л.* Биография края Тюменского // За коммунизм (газета Сивинского района). 1968. 20 янв. С. 3.

⁶⁴ Эстонские коммунисты // Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов. 1918. 17 июля.

Глава I

Эстонцы в Прикамье в конце XIX – начале XX века

Общие сведения об эстонцах

Эстонцы – один из народов Прибалтики, основное население Эстонии. Общая численность эстонцев в мире составляет около 1, 1 млн. человек. Из них большая часть проживает на исторической родине – 920 885 человек (2008)¹. Крупные группы эстонцев проживают за пределами страны. Наибольшее их число насчитывается: в России – более 28 тыс. человек (2002), Швеции – 25, 5 тыс. (2007), США – 25 тыс. (2000), Финляндии – 22, 5 тыс. (2008) и Канаде – более 20 тыс. человек (2008)².

В настоящее время эстонцы используют этноним *эстласед* (по названию страны *Ээсти* – Эстонии), распространение которого активно происходит с середины XIX в.³ Исследователи указывают на его заимствование из германских языков. Происхождение этнонима одни лингвисты связывают с германским корнем в значении «восток» и считают, что сначала оно использовалось для обозначения страны, а затем и народа⁴. Другие этимологи предполагают, что этноним восходит к балтийским языкам: *auēist* – «жители у воды»⁵. До XIX в. эстонцы себя называли чаще *маарахвас* (букв. «народ своей земли»)⁶. В русских летописях эстонцы вместе с другими западно-финскими племенами именуется чудью, позже – чухонцами, и только с XVIII в. в русском языке распространяется название эсты, эстонцы⁷. Большинство верующих эстонцев – лютеране, есть небольшое число православных.

Эстонский язык относится к западно-финской (прибалтийско-финской) ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. Диалекты эстонского языка объединяются в группы: северный, южный и северо-восточно-прибрежный. В основу литературного языка положен северный диалект. Письменность у эстонцев существует с XVI в., создана на основе латинской графики⁸.

Эстонский этнос сформировался в результате смешения древнего населения Восточной Прибалтики и пришедших с востока в III тысячелетии до н. э. финно-угорских племен. Позднее они вобрали восточно-финно-угорские, балтские, германские и славянские элементы. К I тысячелетию н. э. сложились основные группы эстских племен, а к XIII столетию сформировалось несколько крупных территориальных объединений – *маакондов* (земель). В начале XIII в. на территорию расселения эстонцев с юга началась экспансия Ливонского ордена, с севера – Дании, в итоге эстонские земли были поделены между ними. Тогда же эстонцы были обращены в католичество, в 1523–1526 гг. распространяется лютеранство⁹. После Ливонской войны (1558–1583) южная часть Эстонии отошла к Речи Посполитой, северная – к Швеции, о. Сааремаа – к Дании. К середине XVII в. вся территория стала принадлежать Шведскому государству. Постоянные перераспределения эстонских земель и значительное скандинавско-финско-немецкое влияние замедляли консолидационные этнические процессы. Тем не менее в ходе реформации появляются печатные издания на эстонском языке, открываются школы, обучающие на родном языке. Все это способствовало зарождению национальной культуры. В результате поражения Швеции в Северной войне (1700–1721) Эстония отошла к Российскому государству. Северная ее территория составила Эстляндскую губернию, а южная вошла в состав Лифляндской (вместе с частью Латвии). До конца XVIII в. на новоприсоединенных территориях существовал «особый прибалтийский порядок», упраздненный Екатериной II в

1782–1783 гг., после чего на Прибалтику распространилась общероссийская административная и судебная система¹⁰. В начале XIX в. (1816, 1819) прибалтийские крестьяне были освобождены от крепостной зависимости. События первой половины XIX в. способствовали социально-экономическому развитию, росту городов и просвещения, зарождению национальной литературы и искусства. Население эстонских городов, сильно онемеченное к тому времени, начинает обращаться к собственному языку, города обретают более национальный характер¹¹. В 1860-х годах издан эстонский эпос «Калевипоэг», появляются эстонские газеты, создаются национальные кружки и общества, проводятся всеэстонские праздники песни¹². Вторая половина XIX в. оценивается историками как эпоха «национального пробуждения»¹³.

В феврале 1918 г. после Октябрьской революции была провозглашена независимая Эстонская Республика. С 1940 г. Эстония включена в состав СССР на правах союзной республики. С 1991 г. она стала независимым государством.

Современное государство Эстония состоит из континентальной и островной части. 1521 остров составляют 9,1 % территории страны¹⁴. Самые крупные из них – Сааремаа (Сарема, Эзель), Хийумаа (Хиума, Даго) и Муху. Острова отличаются суровыми природно-климатическими условиями, они небогаты пахотными угодьями, слабо заселены, в отличие от материковой части.

Территория традиционного расселения эстонцев, большей частью входящая в границы современного государства Эстония, делится на несколько историко-этнографических районов, каждый из которых имеет свои характерные особенности традиционной культуры. Обычно выделяют Северную, Южную и Западную Эстонию. Северная и Южная части, в отличие от Западной, испытали большее влияние со стороны восточных соседей. Их этнокультурные различия в некоторой степени обусловлены разным административным подчинением в составе России (Северная часть Эстонии относилась к Эстляндской губернии, Южная – к Лифляндской). Основным занятием населения этих территорий было сельское хозяйство¹⁵.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.